

Е.Ю. ФилимоноваКембриджский университет,
Кембридж, CB3 9DA, Великобритания

Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке

Статья посвящена проблеме внутриязыкового варьирования, которая рассматривается на материале русских конфликтных реплик. Эти высказывания, адресованные слушающему или не-участнику речевого акта, содержат отсылку к лицу говорящего, который, будучи эмоционально вовлеченным в ситуацию, фактически в ней не участвует. Заинтересованность говорящего, как правило, маркируется дательным падежом, который носит название «дательный этический». В русском языке в данной позиции встречается также предложная группа с генитивом «у + Gen». В работе представлена попытка зафиксировать разницу в значении обеих местоименных форм и определить условия их употребления. Представленные данные свидетельствуют о существовании корреляций между падежным оформлением «этического» элемента и модальностью глагола. Мы предполагаем, что эта корреляция регулируется лежащими в ее основе иерархическими структурами.

Ключевые слова: падеж, дательный этический, генитив, модальность, языковые иерархии, конфликтные реплики, русский язык

Благодарности. Автор выражает признательность В.И. Подлесской и Н.В. Перцову за вопросы и замечания, высказанные в ходе обсуждения доклада, прочитанного в секции «Памяти А.Е. Кибрика» на конференции «Звегинцевские чтения 2020. К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики (30–31 октября 2020 г.)».

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Филимонова Е.Ю. Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 149–170. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-149-170

© Филимонова Е.Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-149-170

E.Yu. Filimonova University of Cambridge,
Cambridge, CB3 9DA, United Kingdom

Ethical dative and prepositional genitive in conflict-inducing phrases in Russian

This article focuses on the morpho-syntactic structure of conflict-inducing phrases in Russian. These constructions are intended for the addressee or non-participant of the speech act, but also contain reference to the speaker, who effectively does not participate in the situation but is attached to it emotionally. The speaker's attachment to the proposition is usually marked by the so-called Ethical Dative. In Russian, however, Genitive with preposition 'u + Gen' ('at, by' + Genitive, which is also used in possessive constructions rendering the meaning 'to have / to be in the possession of') can also be found in this position. This article seeks to articulate the difference in the meaning of both pronominal forms and identify the contexts in which they are used. The data suggest that there is a correlation between the case marking of the pronoun in the 'ethical' position on the one hand and the verbal modality on the other. We argue that this correlation is governed by the underlying hierarchical structures.

Key words: case marking, ethical dative, genitive, verbal modality, linguistic hierarchies, conflict-inducing phrases, Russian

Acknowledgements. I am grateful to Vera I. Podlesskaya and Nikolai V. Pertsov for their insightful comments on my paper presented at the section In memoriam of Aleksandr E. Kibrik at the 2020 Zvegintsev conference which was dedicated to the 60th anniversary of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University (October 30–31, 2020).

FOR CITATION: Filimonova E.Yu. Ethical dative and prepositional genitive in conflict-inducing phrases in Russian. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 149–170. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-149-170

1. Преамбула

Проявление конфликтности, семантические и прагматические характеристики конфликтных реплик на сегодняшний день описаны достаточно подробно. Конфликтные речевые акты включают в себя обвинения, упреки, угрозы, предупреждения, директивы, агрессивные замечания и возражения, насмешку, речевые акты, выраженные с иронией и сарказмом, и т.д. В данном исследовании мы сосредоточились на морфо-синтаксическом оформлении конфликтных реплик в русском языке, которые включают в себя конструкции-угрозы, директивы и агрессивные возражения.

Главной отличительной чертой интересующих нас конфликтных реплик является наличие в них местоименного элемента 1 лица *мне / у меня* и (реже) *нам / у нас*:

- (1) Ты *мне*¹ брось дурака валять!
- (2) Он *у меня / у нас* доиграется!
- (3) А ну замолчали *мне / у меня*!
- (4) Поговори *мне / у меня*!

Во всех этих высказываниях, предназначенных адресату или же не-участнику речевого акта, содержится отсылка к лицу говорящего. Данный местоименный элемент обозначает участника, эмоционально затрагиваемого описываемым событием или данной ситуацией, но фактически в нем или в ней не участвующего², ср.

- (5) Хватит *мне* тут дурака валять!
- (6) Он *у меня* за троих работать будет!

Дательная форма личных местоимений в этих репликах традиционно носит название «дательный этический» (ДЭ) (или «дательный заинтересованного лица»). Для предложной группы с генитивом *у меня* в аналогичных контекстах нет общепринятого термина.

¹ Здесь и далее курсивом выделены интересующие нас местоименные формы. Это выделение курсивом не связано с интонационной маркированностью.

² Это значение эмоциональной вовлеченности в англоязычной литературе называется термином “attachment”. В [АГ-80, §2011, 2708] для соответствующих контекстов был предложен термин «касательство».

С прагматической точки зрения, данная соотнесенность с лицом говорящего не является обязательной и не влияет на оценку истинности высказывания [Michelioudakis, Karogiani, 2013, p. 345]. Что касается синтаксиса, то необязательное присутствие этого элемента не является отражением его факультативной валентности; этот аргумент в принципе «не входит в состав падежной рамки лексического глагола, с которым он используется», или, иначе говоря, «он не является носителем тета-роли, специфицированной глагольной вершиной» [Shibatani, 1994, p. 465]. Подлесская и Рахилина охарактеризовали присутствие данной именной группы (ИГ) как «не субкатегоризированного глаголом актанта» [Podlesskaya, Rakhilina, 1999, p. 505].

Важной отличительной чертой такого рода конструкций является их абсолютное актуальное использование и невозможность передачи в косвенной речи: **Он сказал, чтобы замолчали у него / ему. *Он сказал, что я ему / у него поговорю* или **Он сказал, чтобы я ему / у него поговорил!* [Кодзасов, 2009, p. 197]³.

Дательный этический в русском языке неоднократно обращал на себя внимание лингвистов, начиная от классиков [Шахматов, 1925–1927; Jakobson, 1936] и заканчивая современными исследователями [Машовец, 2000]; однако вариативность и возможность использования в позиции заинтересованного лица предложной группы с генитивом в этих работах не рассматривались.

Задача этой статьи – попытаться зафиксировать разницу в значении местоименных форм, которые встречаются в контексте «касательства»: ДЭ и предложной формы с генитивом – и определить условия их употребления. Александр Евгеньевич Кибрик отмечал: «Языковая форма в норме не безразлична к означиваемой ею когнитивной структуре, и это “небезразличие” нуждается в лингвистическом анализе с целью его обнаружения» [Кибрик, 2003, с. 46].

2. Основные типы конфликтных реплик

2.1. Вводные замечания

Прежде всего, обратимся к классификации конфликтных реплик. Здесь можно выделить угрозы, директивы, а также реплики, выражающие агрессивную реакцию говорящего на происходящее.

³ Кодзасов отмечал также «богатство фонетической техники», которая сопровождает такого рода высказывания. В частности, он указывал, что для конструкций угроз характерна маркированная фонация и использование «напряженной» и «скрипучей» интонации. Первая является знаком повтора, а вторая – жестом отрицания. При этом для жеста агрессии, которая часто выражается сквозь зубы, характерен узкий раствор рта [Кодзасов, 2009, p. 196].

Для наглядности представления разных типов конструкций мы воспользуемся обозначениями, введенными в [Филимонова, 2014]: пара в скобках (X—<Y) будет обозначать лица, представленные в данном высказывании, где в позициях X и Y могут выступать 1, 2 и 3 лица (где на месте не-локутора теоретически может выступать как личное местоимение, так и существительное. Однако в рамках этого исследования мы сузили круг возможных референтов и рассматривали только ситуации, где участники кодировались при помощи личных местоимений.). Позиция слева от знака «—<» обозначает главное действующее лицо (субъект), а позиция справа от этого знака обозначает лицо, вовлеченное в ситуацию на эмоциональном уровне; оно занимает нелегализованную глаголом позицию и оформлено дативом или предложной группой с генитивом.

Рассмотрим эти конструкции по порядку.

2.2. Конструкции угрозы

2.2.1. Угрозы прямые (или неприкрытые)

Конфликт и внутреннее напряжение между участниками речевого акта могут получить различное речевое выражение: осуждение, упреки, обвинения, угрозы и пр. С точки зрения использования элементов, обозначающих эмоциональную, а не фактическую вовлеченность лиц, для нас интерес представляют высказывания-угрозы. Иллокутивные намерения типа угрозы или предупреждения могут быть выражены напрямую или же содержать скрытое отрицание, т.е. истинное значение высказывания может не соответствовать языковой форме и на самом деле обозначать обратное.

Прямые (или неприкрытые) угрозы наиболее часто оформляются индикативом. Выбор глагольной формы предопределен намерением говорящего в действительности осуществить называемое действие. Глагол, как правило, выражен формой будущего времени (простого или сложного). Тем самым передается значение предначертанности или неизбежности заявленного действия. Значение, имплицитное в этих конструкциях, можно передать так: '[Я (мы) сделаю (сделаем) так, что] ты (вы) / он (и) + глагол в индикативе, будущее время'. Приведем примеры.

(2/3—<1) + V_{Indicative}

(2—<1):

- (7) Ты мне еще пошагаешь на плацу, как коза на привязи!
(пример из интернета)

- (8) Ты *у меня*, миленький, вверх тормашками полетишь!
[И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]⁴
- (9) Ты *у меня* долго не проживешь!
[Ф. Искандер Гигант // Знамя, 2000]
- (10) Ты *у меня* напорешься-таки на то, за что борешься,
это я тебе обещаю, козел.
[А. Кабаков. Последний герой (1994–1995)]

Угроза может быть обращена не только к слушающему, но и к неколутору, хотя таких примеров – как в корпусе, так и в интернете – значительно меньше.

(3—<1):

- (11) Он *у нас* еще не так запляшет!
- (12) Она *мне / у меня* возьмется за ум!
- (13) – Ничего / ничего / товарищ капитан.
Они *мне* это столетие навеки запомнят.
[В. Студенников и др. Комедия строгого режима, к/ф (1992)]
- (14) Завтра он *у нас* узнает, как мамку обижать. Спи, солнышко!
Спи радость моя! Он *у нас* натерпится, он *у нас* в ногах
повалится. (Л. Аввяксова. Когда восходит солнце (2019))
- (15) Наплачется он *у меня*, узнает, каково идти на Троекурова!
[А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]
- (16) – Пускай только придет теперь, он *у меня* узнает, можно ли меня
оскорблять! [В.В. Вересаев. Два конца (1899–1903)]

В большинстве случаев в этой конструкции встречаются глаголы совершенного вида, подчеркивающие предуготовленный результат действия, т.е. что именно произойдет в случае осуществления угрозы. Но возможны и примеры с несовершенным видом в будущем времени, где говорящий грозит действием, которое будет осуществляться на протяжении какого-то времени.

(2/3—<1) + V_{Indicative, Future Impf}

- (17) Монах молча подошел, навис над ним всей своей
двухметровой громадой: «Еще одно слово –
и ты *у меня* вон в том кипящем котле купаться будешь».
[Д. Соколов-Митрич. Лёша из Лавры // Русский репортер. 2015]

⁴ Авторская атрибуция примеров из НРКЯ, в соответствии с принятой конвенцией, дается в квадратных скобках. В круглых скобках помечены примеры не из корпуса. Примеры без указания источника получены методом интроспекции.

- (18) Ты у *меня* всю жизнь будешь платить!
[А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания (1991–2000)]
- (19) Ты у *меня* еще барыней ходить будешь. [П.Ф. Якубович. В мире отверженных. Т. 2 // Русское богатство, 1898]
- (20) – Я, – говорит, – знаю как. Постой: он у *меня* будет знать, как товарищей в яму сажать. [С.Т. Семенов. Катюшка (1899)]

Порядок следования элементов в местоименном тандеме⁵ является закрепленным: подлежащее (лицо, которое будет осуществлять задуманное говорящим действие) + лицо заинтересованное (в нашем случае говорящий; в дательном падеже или в форме «у + GEN») – и, как правило, не допускает перестановок. В остальном порядок слов свободен, т.е. между местоименным тандемом и глаголом могут вставляться, например, любого рода дополнения или обстоятельства (в частности, обстоятельства места и времени, имеющие дейктическую отсылку к данному речевому акту или ситуации (*тут, там, сейчас*)), а также модальная частица *еще*, как правило, безударная, которая привносит оттенок иронии и укоризны. Эти высказывания сопровождаются нарочито ироничной интонацией, подчеркивающей эмоционально-экспрессивную вовлеченность говорящего.

(2/3—<1) + V_{Subjunctive}

Помимо индикатива, в глагольной позиции в схожих контекстах нередко употребление сослагательного наклонения. Оно передает ту же угрозу-предупреждение, но в более слабой и смягченной форме. Говорящий грозит адресату, предупреждает, что бы он сделал, будь у него возможность.

(2—<1):

- (21) Эх, счастье твое, что лагерь тут не тот, ты бы у *меня*...
[Ю. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]
- (22) – Ты бы у *меня* первым делом заплатил за бензин, который спалил в воскресенье, во-вторых, я бы тебе такого нагоняя дал, что ты бы у *меня* за троих работал.
[В. Шукшин. Ночью в бойлерной (1974)]
- (23) Ты бы у *меня* живо смелости набрался...
[А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)]

⁵ Здесь имеется в виду последовательность местоименных элементов, один из которых обозначает адресата угрозы, а другой – эмоционально вовлеченное лицо.

(3—1):

- (24) Если бы он мне попался, я бы показал ему кузькину мать,
клянусь честью. Он бы у *меня* потанцевал!
(К. Паустовский. Иван Бунин.)
- (25) – Ох, знал бы я кто, – сказал Сварог устало. – Он бы у *меня*
кровью умылся... (А. Бушков. Рыцарь из ниоткуда.)

2.2.2. Угрозы со скрытым отрицанием

Второй тип конструкций с угрозами (довольно частотный) содержит скрытое (или имплицированное) отрицание. В этом случае форма угрозы, ее языковое представление, не соответствует иллюкутивному намерению. Отрицание при этом носит экспрессивно-иронический оттенок. Говорящий не согласен с происходящим и старается ему противостоять. Он обращается к адресату и на самом деле призывает его остановить действие, причем делает это в конфликтной форме, угрожая ему, что, как правило, выражается интонационно. Однако на поверхностном уровне конструкция не содержит никакого отрицания. Напротив, конструкция выглядит абсолютно идентично той, что мы видели в конструкциях с прямыми угрозами: «местоименный тандем + глагол в индикативе будущего времени (совершенного или несовершенного вида)»:

- (26) «Ты у *меня* попереключаешь», – строго сказала жена
и отняла пульт. [Ю. Богомолов. Планктон. Телнеделя // Известия, 2002.04.12] (= хватит/перестань переключать)
- (27) – Ага! – сказал грубый голос, – попался! Будешь у *меня*⁶
к княжнам ходить ночью!.. [М.Ю. Лермонтов.
Герой нашего времени (1839–1841)] (= не надо ходить / не ходи)
- (28) – Ты у *меня* поспишь!.. Ты у *меня* поотдыхаешь!.. А ну-ка,
подъем, быстро! Тебя что, затем послали, чтобы ты тут дрых?
(И. Егорова. Не знамо Что // Тексты для сцены и экрана)
(= хватит спать и отдыхать)
- (29) «Сейчас я тебе помогу», – с ожесточением подумал Чип,
доставая из кобуры под курткой 12-зарядную «беретту»,
а из кармашка на пояском ремне джинсов гранату.
– Я тебе помогу, ты у *меня* поездишь тут, – стиснув зубы,
прошипел лежа Чип и выдернул кольцо.
(С. Зверев. Ледяной бронезилет (2018)) (= хватит ездить)

⁶ Иногда в местоименном тандеме первый элемент, обозначающий адресата угрозы, может опускаться. Его референт легко восстанавливается из личного окончания глагола.

В этом месте необходимо сделать два замечания. Первое касается грамматического оформления такого скрытого отрицания. Ю.П. Князев на примере других контекстов обратил внимание, что в конструкциях с экспрессивно-ироническим отрицанием используется совершенный вид [Князев, 2007, с. 91]. Ср. *Есть что рассказать vs Есть что рассказывать!*; *Есть чему поучиться vs Есть чему учиться!* В нашем случае такая зависимость не наблюдается. Как и в конструкциях с прямыми угрозами, наиболее частотными здесь оказываются конструкции с индикативом совершенного вида, выражающим конечный результат в будущем.

Во-вторых, на месте форм совершенного вида в этом контексте часто употребляются перфективы с приставкой *по-*. Эта приставка имеет делимитативное значение и образует как первичный, так и вторичный перфектив. В случае с вторичным перфективом многие из глаголов будут иметь форму совершенного вида, обозначающую единичное действие, например: *прыгать/прыгнуть*; или результат: *отдыхать/отдохнуть*. Присоединение же приставки *по-* к форме несовершенного вида создает вторичную видовую пару к бесприставочному глаголу, например, *отдыхать/поотдыхать*, *прыгать/попрыгать*. В случаях и с первичными, и со вторичными формами совершенного вида приставка *по-* обозначает действие, ограниченное временным отрезком. Этот временной отрезок воспринимается говорящим как «неделимый». «Подобная временная целостность и лимитивность придает действию характер законченности и неповторяемости – действие становится векторно однонаправленным, совокупным, ситуация приобретает исчерпанность, становится финитивной и теряет потенциальную возможность повторения» [Мустайоки, Пуссинен, 2008, с. 255]. Это значение исчерпанности и законченности является определяющим при использовании в конструкциях угрозы.

2.2.3. Ты/он у меня до...ся

Разновидностью этого же вида конструкций со встроенным отрицанием является конструкция, при которой глагол оформляется циркумфиксом *до-...-ся* [Мельчук, 1995]. И.А. Мельчук приводит пример – ставший хрестоматийным – из советского анекдота:

(30) Ты у меня допереключаешься! (фраза, обращенная к человеку, переключающему программы)

Глагол в этой и подобных конструкциях обозначает достижение нежелательного результата. Такой способ действия иногда называется иронически-результативным [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015, с. 124].

Значение этого типа конструкций, как и предыдущего, сводится к порицанию производимого действия, в противном случае говорящий грозит-ся совершить нечто неприятное для другого лица, ср.:

- (31) Ну, бесстыдница, подожди, ты у *меня* допрыгаешься.
[В. Белов. Привычное дело (1967)]
- (32) Ты у *меня* добегаешься до того, что тебе свернут голову!
[А.С. Грин. Барка на Зеленом канале (1909)]
- (33) – Весельчак гребаный. Ты у *меня* долыбишься...
Несчастный тихо замычал, но из-за того, что на его лице по-прежнему сияла широкая улыбка, Татарский почувствовал к нему иррациональную неприязнь.
[В. Пелевин. Generation «П» (1999)]

Важно отметить, что в конструкциях угрозы (и прямых, и скрытых) наблюдается явное предпочтение к использованию формы «у + GEN». Примеры с дательным этическим возможны, но они малочисленны.

2.3. Директивы

2.3.1. Отрицательные директивы

Конфликтные реплики часто встречаются в контекстах, где говорящий выражает свое несогласие с имеющим место фактом и неодобрение происходящего. Попытка пресечь или остановить осуществление какого-либо действия, предупредить слушающего или не-локутора о нежелательности, неуместности, недопустимости или опасности его поведения может быть выражена при помощи отрицательного директива: *Не ходи один ночью по улицам!*; *Пусть не шляется где попало*. Использование этического местоимения делает эти конструкции более личностными, подчеркивающими эмоциональную вовлеченность говорящего по отношению к излагаемой ситуации.

(2/3—⟨1⟩) + *не* V_{Imperative}

(2—⟨1⟩):

- (34) ...но тут он был в добром расположении духа и разрешил Барбашу нарубить леса на избу, прибавив старосте:
«Да ты смотри у *меня*⁷, рыжая бестия, за лишнее бревно – ребро».
[А.И. Герцен. Кто виноват? (1841–1846)]

⁷ *Смотри мне / у меня*, превратившееся в современном русском языке во фразеологическую единицу, несмотря на отсутствие отрицательной частицы *не*, выражает пожелание предотвращения какого-либо действия. В таких конструкциях сам отрицательный директив часто отсутствует, но он явно подразумевается.

(35) Ты *мне* тут не крестись! – страшным голосом гаркнул на него Момус. (Б. Акунин. Пиковый валет.)

(36) – Ты *мне* тут не дуркуй, – не унимался бородач. (М. Северов. Мертвые не плачут.)

(3—<1):

(37) ...и пусть он *мне* тут не бычится таким носорогом, потому что я найду управу о том, чтобы рог этот раз и навсегда обломать-мать-мать..... (К. Могильник. Иди и люби.)

(38) – И пусть они *мне* не обижаются. Раньше надо было думать.

Часто за императивом следует пояснение – обещание негативных последствий: что случится, если адресат не подчинится или не прислушается к говорящему: как, например, в (34) или в (37).

Побуждение к пресечению действия может выражаться и при помощи фазовых глаголов, обозначающих прекращение действия (*перестать, бросить, кончать* и др.) или же неопределенно-личного *хватит*.

(39) – Знаешь что, ты *мне* брось все эти глупости городить. [В. Войнович. Москва 2042 (1986)]

(40) – Ты *мне* перестань о постороннем мечтать! (Р. Погодин. Лазоревый петух моего детства.)

(41) – Ну, он это уже слышал, и «ну-у, ладно, хватит *мне* тут воспитывать» ... [А. Клейн. Виктор Шендерович // Пятое измерение, 2002]

(42) Ты у *меня* грубить не смей! Слышишь ты! Кулигин! [А.Н. Островский. Гроза (1860)]

В данном типе конструкций в позиции эмоционально вовлеченного элемента предпочтительно использование дательного этического, хотя имеются исключения (см. пример из Островского (42)).

Стоит отметить, что в этом типе конструкций характерно использование непереходных глаголов. В случае с переходными глаголами возникает амбивалентность в интерпретации дательных форм. Например, в предложениях *Ты мне мозги не парь; Ты мне зубы не заговаривай* местоимение в дативе может быть вынесенным вперед посессором: 'не парь мои мозги', 'не заговаривай мои зубы', а может быть показателем эмоциональной вовлеченности говорящего. Если же в позиции прямого дополнения при переходном глаголе выступает объект отчуждаемой принадлежности, в высказываниях с отрицательным

императивом дательный зачастую обозначает малефактив – лицо, которому совершаемое действие наносит вред или ущерб, и, следовательно, говорящий желает его предотвратить: *Вы мне пол не пачкайте; Ты мне на стене не рисуй.*

Однако это наблюдение не является правилом, и есть примеры с переходными глаголами, где местоимение в дательном обозначает касательство говорящего и является дательным этическим: *Ты мне воду из-под крана не пей; Ты мне дурака не валяй.*

2.3.2. И чтоб(ы) / а ну + Predicate + ((2)–<1)

Очень неоднородна группа директивов с *чтобы*. Их общее значение можно определить как '[Я хочу,] чтобы ...'. Часто эти конструкции предваряются союзом *и*, который подчеркивает командный статус говорящего:

(43) – Лезь, говорю, и чтоб тихо *мне* там! – Док открыл крышку погреба, толкнул Ирину в темноту.

(А. Таманцев. Погоня за призраком.)

(44) И чтоб *мне* все молчок!

(45) И чтоб у *меня* / *мне* потом марш в постель!

(46) – Плакать нам некогда! И чтобы живо *мне* на работу становиться! Яму копать, в поле идти!.. Кто у вас командир?

(В. Осеева. Васек Трубочев и его товарищи.)

Глагол-связка часто опускается в разговорной речи. При этом, помимо глагола в прошедшем времени после *чтобы*, соответствуя разговорному стилю, в позиции предиката могут употребляться инфинитивы, а также несогласуемые усеченные формы – междометия, которые не имеют четких показателей склонения, времени и грамматического согласования с подлежащим: *марш, кыш, брысь, молчок, цыц* и др. Сказуемые такого рода указывают на необходимость быстрого выполнения действия.

В некоторых случаях, где контекст или ситуация подразумевает быстрое, мгновенное перемещение в пространстве, сказуемое (и безударное *чтоб(ы)*) вообще опускается, и указывается только цель или место. Скорость действия подчеркивается наречиями *живо, мигом, мухой* и др., а призыв к действию часто задается междометием (*а*) ну(-ка):

(47) – Быстро *мне* все уроки делать!

(48) – Эй, Кадаме, ты еще долго *мне* будешь не слушаться меня?

А ну марш *мне* умываться и здороваться!

(Т. Литовченко. Крысятики.)

- (49) – А ну цыц *мне!* А то мигом в утиль отправлю.
(С. Садов. Дело о неприкаянной душе.)
- (50) – А ну, цыц *у меня!* Успокоились оба, быстро!
(Е. Веснина. Сила предсказания.)

Как видно из примеров, в конструкциях с директивами используются как дательный этический, так и формы с генитивом.

2.4. Обратное побуждение

В разговорной речи императивные формы могут использоваться для выражения запрещения называемого действия, или обратного побуждения (АГ–80, § 1482). Как и в случае со скрытыми (непрямыми) угрозами, буквальное значение этих высказываний не соответствует иллокутивному намерению: *Поговори мне (еще)!* (= Замолчи!); *Поогрызайся мне (тут) (еще)!* (= Перестань огрызаться!)

V_{Imperative} (Ø—⟨1⟩)

- (51) «Что ты сказал, мерзавец?» – «Померзавь *мне* еще», – пригрозил генерал. [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]
- (52) Фельдшер вспылел и крикнул: – Поговори *мне* еще! Дубина... Яков тоже вспылел и побагровел весь, но не сказал ни слова, а взял под руку Марфу и повел ее из приемной.
[А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)]
- (53) Бабушка любила детей, как клуша цыплят, и стояла за них горой.
– Поговори *у меня!* – сердился дед. – Не бабьим умом дела эти делаются. [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]
- (54) – Поори *у меня*, поори! – взрывалась бабушка, но я перекрывал ее своим ревом, и она постепенно сдавалась, принималась меня умасливать. [В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]
- (55) – Поори *мне* еще, сопляк! Самый умный здесь? Что ж тебя тогда второй раз подряд вокруг пальца обвели?
(Ю. Романов. Невский пророк. (2020))

(2—⟨1⟩) + V_{Imperative}

- (56) – Ты *у меня* еще хоть раз заикнись об этом, – зашипел он на Томку. [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)]
- (57) – Ты *у меня* там еще побубни, – говорит Синицкая.
[В. Козлов. Гопники (2002)]

(58) А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка – я те поломаю!
[Н.Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]

Используя такую конструкцию, говорящий побуждает слушающего осуществить называемое действие, если тот хочет убедиться в реальности угрозы. При этом после реального осуществления этого действия может последовать «наказание» или ответная реакция говорящего. Он не горит желанием осуществить свою угрозу, однако предупреждает адресата о серьезности своих намерений [Перцов, 1998, с. 96–97].

С точки зрения падежного оформления заинтересованного лица, конструкции обратного побуждения являются наиболее неоднородными, допускающими обе формы (дательный этический и «у + GEN»).

3. Анализ данных

Если свести все данные в одну таблицу, то становится очевидно, что

- 1) конфликтные реплики строятся по аналогичным шаблонам:
  - для выражения угрозы:
    - субъект – заинтересованное лицо – $V_{\text{IndicFut or Subj}}$
  - для выражения директива и обратного побуждения:
    - (субъект) – заинтересованное лицо – V_{Imper}
- 2) в падежном оформлении эмоционально вовлеченного участника, или заинтересованного лица, прослеживаются следующие закономерности (табл. 1 и 2):
  - $V_{\text{Indic/Subj}}$ коррелирует с генитивной группой «у + GEN»;
  - V_{Imper} коррелирует с дательным.
 Эти корреляции не являются абсолютными и выражают доминирующие тенденции в оформлении конфликтных реплик.

Таблица 1

**Падежное оформление заинтересованного лица
в конструкциях угроз**
[Case marking of the person who is emotionally attached
to the situation in the constructions of threats]

Прямые угрозы [Direct threats]	Угрозы со скрытым отрицанием [Threats with implied negation]
Глагол в индикативе (или конъюнктиве) [Verb in the indicative (or subjunctive)]	
Явное предпочтение «у + GEN» [Clear preference for prepositional genitive]	Явное предпочтение «у + GEN» [Clear preference for prepositional genitive]

**Падежное оформление заинтересованного лица
в директивах и конструкциях с обратным побуждением
[Case marking of the person who is emotionally attached
to the situation in directives and constructions
with reverse encouragement]**

Директивы [Directives]	Конструкции с обратным побуждением [Constructions with reverse encouragement]
Глагол в императиве [Verb in the imperative]	
а) отрицательный директив [negative directives]: <ul style="list-style-type: none"> • дательный этический [ethical dative] 	Возможны и дательный этический, и «у + GEN» [Both ethical dative and prepositional genitive are possible]
б) директив с <i>a ну</i> или <i>и чтоб(ы)</i> [directives introduced by the interjection <i>a nu</i> 'now then' or conjunction <i>i chtoby</i> 'in order that' (which is also used after verbs of requests, command or warning)]: <ul style="list-style-type: none"> • предпочтителен дательный этический, но возможен и «у + GEN» [ethical dative is preferred but prepositional genitive can also occur] 	

В этой связи особого обсуждения требует подтип угроз со скрытым отрицанием: (1—<2/3) + V_{PFut'}, где на месте элемента, обозначающего эмоциональную вовлеченность, выступают местоимения 2-го или 3-го лица. В этих конструкциях при глаголе совершенного вида в индикативе маркер «касательства» оформляется исключительно дательным падежом, что, казалось бы, нарушает выведенную ранее корреляцию. Ср. примеры.

(1—<2):

(59) – Вот я тебе покатаюсь! [Н. Дубов. Мальчик у моря (1966)]

(60) – Не кантуй! – орал Тёткин. – Я тебе покантую!
[И. Грекова. На испытаниях (1967)]

(1—<3):

(61) – ...Давно на тебя зуб точит.
– Я ему поточу, – сказал Иван. – Последние вышибу.
[Ю. Трифионов. Утоление жажды (1959–1962)]

(62) – ...Подмигивает мне: «Пойдем, говорит, калым с Фомичом делить на покосе».

– Я ему поделю! Окосьем по зубам, – кипятился Фомич.

[Б. Можаев. Живой (1964–1965)]

(63) – ...Может, с кладовщиком разговаривает.

– Я вот ему поразговариваю. Тащить его сюда вместе с продуктами! [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

Сама по себе эта конструкция примечательна тем, что в скрытой форме кодирует *двойную* информацию: она не только обозначает иронически-отрицательный способ действия, но и содержит обратное кодирование участников действия, а именно: говорящий выступает в качестве агенса, а слушающий, который вроде должен был бы прекратить действие, называемое глаголом, т.е. по сути является его исполнителем, кодируется дательным:

– *Я тебе* пошучу! = ‘*ты* перестань шутить / *ты* не шути’

– *Я тебе* попереключаю! = ‘*ты* перестань переключать / *ты* не переключай’

Следуя законам симметрии, эквивалентом такой конструкции в прямых угрозах были бы выражения типа *Я тебе (те) покажу! Я тебе (те) дам! Я тебе (те) устрою!*, где говорящий выступает в качестве агенса – лица, которое намерено осуществить угрозу по отношению к слушающему.

Мне представляется, что здесь мы имеем дело не с дательным этическим, а с малефактивом, т.е. с формой, которая обозначает лицо, не являющееся агенсом, или пациенсом; однако совершаемое действие может причинить ему вред или быть направленным против него⁸. Если мы определяем функцию «этического» падежа как обозначение лица, эмоционально затронутого событием, а также как выражение личностной оценки или отношения к описываемому событию или результату – при этом лицо в позиции дательного этического, будучи *эмоционально* вовлеченным в ситуацию, *фактически* не задействовано в ней – то данная конструкция, несмотря на соблазн рассмотреть разные комбинаторные сочетаемости в местоименном тандеме, не подпадает под это определение, а следовательно, не противоречит выведенной корреляции.

⁸ В отношении этой конструкции наша позиция, по сравнению с [Филимонова, 2014], изменилась.

4. 'Мне' или 'у меня'?

4.1. Заинтересованность и посессивность

В чем разница между «этическими» формами в дательном и предложной группе с генитивом? Попытаемся разобраться, какое значение, заложенное в обе падежные формы, объясняет их использование в контексте, обозначающем эмоциональную вовлеченность, а также есть ли между ними разница.

На наш взгляд, использование обеих форм в значении касательства базируется на понятийной категории посессивности. Анализируя конструкции с внешним посессором, А.Е. Кибрик отмечал, что предложная группа «у + GEN» с одушевленным референтом является «наиболее нейтральным способом выражения экстрапонированного посессора. <...> Выражение [посессора] дативом совмещает направительное и адресатное значение. Датив в этой конструкции коррелирует также с присущим этому падежу значением 'лица, затронутого данным событием'» [Кибрик, 2003, с. 315]. Мы полагаем, что использование обеих форм в значении касательства подразумевает наличие посессивных отношений между говорящим и другим задействованным лицом. Очевидно, что «собственность» в этом контексте понимается весьма метафорически, поскольку не предполагает фактического владения или обладания одного лица другим. В конструкциях с внешним посессором одним из основных условий является наличие отношений части–целого [Herslund, Baron, 2001, p. 15], т.е. если перенести это на межличностные отношения, говорящий как бы формирует единое целое с другим лицом – слушающим или не-участником речевого акта. В этом «целом» говорящий видит себя главным, т.е. именно он «владеет» ситуацией, и слушающий и не-локутор находятся в подчинении у говорящего или некой зависимости от него.

В разных работах Кибрик (вслед за Чейфом, а также Куно и Кабураки) указывал, что с точки зрения коммуникативного устройства, в предложениях с внешним посессором «посессор является локальным фокусом эмпатии» [Кибрик, 2003, с. 309]. Следовательно, ДЭ и генитив с предлогом выполняют общую коммуникативную функцию, однако они привносят разные аспекты в значение высказывания. Выбор формы «у + GEN», возможен только в том случае, если говорящий и другой участник могут быть представлены как члены группы лиц, объединенных неким общим концептом, и говорящему позволительно занять менторскую позицию по отношению к другому лицу. Если же отношения между говорящим и другими лицами исключают возможность подобной субординационной связи, то в «этическом» контексте используется датив. Следовательно, в конфликтных репликах конструкции

с предложной группой в генитиве являются более сильными, поскольку предполагают впоследствии активные действия со стороны говорящего, который заявляет не только свою эмоциональную вовлеченность, но и свое владение ситуацией.

Можно суммировать это так: форма с генитивом сигнализирует большую способность вовлеченного лица контролировать и воздействовать на ситуацию, а ДЭ обозначает касательство своего референта, его заинтересованность в происходящем.

Анализируя английские конструкции с посессивным дательным и ДЭ, А. Хюблер делает вывод, что посессивный дательный означает, что говорящий приближается к объекту касательства. А при ДЭ – что объект касательства приближается к говорящему. Он называет это *adoptive* (восприимчивой) и *adaptive* (приспосабливающейся) разновидностями касательства говорящего [Hübler, 1998, p. 47]. Адаптируя его схему к русскому языку, получим следующее:

- ты/он ← у меня (т.е. говорящий сам приближается и приспосабливается к объекту касательства; говорящий заявляет не только свою вовлеченность, но и то, что ситуация ему подконтрольна);
- ты/он → мне (т.е. говорящий приближает объект касательства к себе и заявляет свою заинтересованность).

Можно утверждать, что при выборе генитивной группы говорящий подчеркивает большую степень контроля над происходящим. И с точки зрения эмпатии, генитивная группа оказывается более сильной: «у + GEN» > ДЭ.

4.2. Связь между оформлением предиката и падежным маркированием заинтересованного лица

Каким образом падежное маркирование эмоционально вовлеченного лица связано глагольным оформлением? П. Дурст-Андерсен в своих работах продвигает классификацию падежей, согласно которой родительный является экстравертивным падежом, а дательный – интровертивным⁹. Экстравертивный падеж используется для обозначения «объективной» реальности (т.е. кодирующей существование мира вне нас), а интровертивный – для обозначения «субъективной» реальности (или мира, соотносимого с нами) [Дурст-Андерсен, 2000; Durst-Andersen, Lorentzen, 2017].

⁹ Это наблюдение о «направленности» в значении падежей соответствует выводу, сделанному Хюблером о направленности касательства в конструкциях с посессивным дательным и ДЭ (см. п. 4.1).

Эти понятия экстравертивности и интровертивности, несомненно, приложимы к системе выбора глагольного наклонения при оформлении высказывания: объективная реальность кодируется индикативом, а субъективная, то, что потенциально может осуществиться только после соответствующего побуждения, – императивом.

Как увязать эти наблюдения и выведенные корреляции?

В отношении конструкций с «этическим» элементом я предполагаю существование двух иерархий, которые играют роль при их оформлении, а именно:

– иерархии эмпатийности:

«у + GEN» > ДЭ;

– иерархии объективности (или утвердительности), того, что существует и может существовать:

индикатив > конъюнктив > императив

Разные ступени иерархии эмпатийности обозначают разную степень касательства. У генитивной группы она выше. Лицо, оформленное генитивом, не только эмоционально вовлечено в ситуацию, но и заявляет о своей возможности осуществить контроль над исполнением угрозы. А разные ступени иерархии объективности отражают разницу в объективной реальности действия: индикатив передает объективно существующую реальность, а императив высказывает пожелание к ее воплощению. Таким образом, сочетание индикатива с родительным и императива с дательным представляется вполне оправданным:

– индикатив обозначает и подчеркивает действительность происходящего, поэтому в конфликтных репликах его сочетание с экстравертивным маркером (генитивом) лишний раз подчеркивает контроль говорящего над ситуацией и его решительность в осуществлении обещанного;

– императив же выражает пожелание, требование, повеление; и все же в контрасте с индикативом угрозы директив представляется менее категоричным и безусловным, что объясняет его сочетание с интровертивным маркером (дательным).

При оформлении рассматриваемых конструкций эти две иерархии как бы наслаиваются одна на другую, в результате мы получаем скалярное распределение форм. Ср. шкалу с глаголом *говорить*:

*Ты у меня поговоришь (еще) > Ты мне поговоришь (еще) >
Поговори у меня > Поговори мне*

Именно этим, на мой взгляд, объясняются случаи, в которых в выборе глагольных и падежных форм наблюдается отклонение от выведенных корреляций.

5. Вместо заключения

А.Е. Кибрик в работе 2008 г. размышлял о когнитивной мотивированности языковой формы:

«Теоретически имеются два пути установления отношений между процессами языковой деятельности и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами):

- от мышления к языку или
- от языка к мышлению

К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления. <...> Наоборот, в настоящий момент второй путь может не только объяснить, почему языки устроены так, как они устроены (а это является главной целью лингвистической теории), но и способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры» [Кибрик, 2008, с. 52–53], а это открывает возможность «целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы» [Там же, с. 53].

В глобальной перспективе это означает, что установление языковых корреляций и соответствий может быть «косвенным свидетельством организации когнитивной структуры» [Там же, с. 51] и иметь значение не только для понимания дистрибутивных ограничений в организации языковых форм, но и воссоздания связей между когнитивными структурами. Возможно, данное исследование станет вкладом в эту копилку знаний о когнитивных структурах.

Библиографический список / Reference

АГ-80 – Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. В 2-х т. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). In two vols. Moscow, 1980.]

Дурст-Андерсен, 2000 – Дурст-Андерсен П. Предложно-падежная система русского языка. Понятие контакт vs. неконтакт // Логический анализ языка: Языки пространств / Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левониной. М., 2000. С. 135–151. [Durst-Andersen P. Case and prepositional system in Russian. The notion of ‘contact’ vs. ‘noncontact’. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki prostranstv*. N.D. Arutyunova, I.B. Levontina (eds.). Moscow, 2000. Pp. 135–151. (In Rus.)]

Зализняк, Михаэлян, Шмелев, 2015 – Зализняк А.А., Михаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М., 2015. [Zaliznyak A.A., Mikaelyan I.L., Shmelev A.D. *Russkaya aspektologiya: V zashchitu vidovoi paru* [Russian aspectology: In defence of the aspectual pair]. Moscow, 2015.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Внешний посессор в русском языке // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307–319. [Kibrik A.E. External

possessor in Russian. *Konstanty i peremennyeazyka*. St. Petersburg, 2003. Pp. 307–319. (In Rus.)]

Кибрик, 2008 – Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77. [Kibrik A.E. Linguistic reconstruction of the cognitive structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2008. No. 4. Pp. 51–77. (In Rus.)]

Князев, 2007 – Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Yu.P. Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspective [Grammatical semantics: Russian language in typological perspective]. Moscow, 2007.]

Кодзасов, 2009 – Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М., 2009. [Kodzason S.V. Issledovaniya v oblasti russkoi prosodii [Studies in the field of Russian prosody]. Moscow, 2009.]

Машовец, 2000 – Машовец Е.Н. Конструкции с дательным этическим в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. [Mashovets E.N. Konstruktsii s datelnym eticheskim v sovremennom russkom yazyke [Constructions with ethical dative in contemporary Russian]. PhD diss., Lomonosov Moscow State University. 2000.]

Мельчук, 1995 – Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл–текст». М., Вена, 1995. [Melchuk I.A. Russkii yazyk v modeli «Smysl–tekst» [Russian language in the ‘Meaning–Text’ model]. Moscow; Vienna, 1995.]

Мустайоки, Пуссинен, 2008 – Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки *po* в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. Мустайоки, М.В. Копотева, Л.А. Бирюлина, Е.Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 247–275. [Mustaioki A., Pussinen O. On the expansion of the verbal prefix *po* in contemporary Russian. *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody*. A. Mustaioki, M.V. Kopotev, L.A. Biryulin, E.Yu. Protasova (eds.). Helsinki, 2008. Pp. 247–275. (In Rus.)].

Перцов, 1998 – Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения II. (Императив в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 88–101. [Pertsov N.V. On the problem of invariant grammatical meaning II. (Imperative in Russian). *Voprosy jazykoznanija*. 1998. No. 2. Pp. 88–101. (In Rus.)]

Филимонова, 2014 – Филимонова Е.Ю. Чужой среди своих – дательный этический в русском языке // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Отв. ред. В.А. Плунгян. СПб., 2014. С. 293–313. [Filimonova E.Yu. A stranger among his own. Ethical dative in Russian. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgenevicha Kibrika*. V.A. Plungian (ed.). St. Petersburg, 2014. Pp. 293–313. (In Rus.)]

Шахматов, 1925–1927 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1925–1927. [Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka [Syntax of Russian]. Leningrad, 1925–1927.]

Durst-Andersen, Lorentzen, 2017 – Durst-Andersen P., Lorentzen E. Pure case and prepositional case in Russian. *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. Pp. 177–221.

Herslund, Baron, 2001 – Herslund M., Baron I. Introduction: Dimensions of possession. *Dimensions of Possession*. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). Amsterdam, 2001. Pp.1–25.

Hübler, 1998 – Hübler A. The expressivity of grammar: Grammatical devices expressing emotion across time. Berlin, 1998.

Jakobson, 1936 – Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux du cercle linguistique de Prague*. 1936. Bd. 6. S. 240–288.

Michelioudakis, Kapogiani, 2013 – Michelioudakis D., Kapogiani E. Ethical datives: A puzzle for syntax, semantics, pragmatics, and their interfaces. *Syntax and its Limits*. R. Folli, C. Sevdali, R. Truswell (eds.). Oxford, 2013. Pp. 345–369.

Podlesskaya, Rakhilina, 1995 – Podlesskaya V.I., Rakhilina E.V. External possession, reflexivization and body parts in Russian. *External Possession*. D.L. Payne, I.B. Barshi (eds.). Amsterdam, 1999. Pp. 505–521.

Shibatani, 1994 – Shibatani M. An integrational approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives. *Berkeley Linguistic Society*. 1994. Vol. 20. Pp. 461–486.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе /About the author

Филимонова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук; старший преподаватель русского языка секции славистики факультета современных и средневековых языков и лингвистики, Кембриджский университет, Великобритания

Elena Yu. Filimonova – PhD in Linguistics; Senior Language Teaching Officer in Russian, Slavonic Studies Section, MMLL Faculty, Cambridge University, United Kingdom

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1958-3213>

E-mail: ef263@cam.ac.uk